

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

В редакционном портфеле СЖ время от времени появляются тексты, которые не вполне вписываются в традиционные журнальные рубрики, — годами проверенные и в целом покрывающие пространство современных социологических изысканий. Таким текстам свойственны некая маргинальность, собственное местоположение между привычными познавательными и предметными ориентирами, а их авторам — некий «авторский почерк». Но именно необычная методическая или аналитическая фокусировка делает подобные материалы заслуживающими читательского внимания. В публикуемой ниже статье В.Г. Виноградский, социолог села, социолингвист и филолог, описывает нечасто практикуемые полевые микрокейсы; предпринимает попытки ситуационных эмпирических обобщений, сформулированных в авторской научно-публикационной манере; делает живые зарисовки непосредственных контактов с респондентами; формулирует элементы философско-социологического истолкования изучаемого материала и в конечном счете пытается сконструировать некие дискурсивные проекции крестьянской повседневности. Статья содержит индивидуальную рефлексию экспедиционного крестьяноведческого опыта, накопленного автором за многие годы работы. По своей сути предлагаемый текст — это пример живого социологического наблюдения исследователя за крестьянским социумом, пример процессуальной практики встраивания в него. Автор делится не только кабинетно-аудиторными методологическими знаниями, но и, что особенно ценно, — формализацией личных исследовательских навыков полевого обучения (и самообучения) тому, как плотно, и в то же время «соблюдая дистанцию», включиться в жизнь исследуемого социума. Такие навыки и приемы их применения — всякий раз ситуативны и инстинктивны, но владение ими обучает ремеслу качественного социологического исследования. Возможно, опыт автора во многом индивидуален и его будет трудно применить другим исследователям. Возможно, напротив, его будут стараться перенять. В любом случае полезность и познавательность представленных автором исследовательского опыта и практикума по его освоению — очевидны.

В.Г. ВИНОГРАДСКИЙ

«ГОЛОСА СНИЗУ»: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОЕКЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ МИРОВ¹

DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.1293

Аннотация. Автор, годами занимающийся изучением русской деревни, сосредоточивается на изложении двух взаимосвязанных процессов, неизбежных в ходе полевых социологических практик, — погружение в крестьянскую жизнь и построение дискурсивных проекций крестьянской повседневности. Первый, исходный процесс выразительно суммируется в известной формуле Андрея Платонова: «Хорошие мысли приходят не в уюте, а от пересечки с людьми и событиями». Именно «пересечка», причем длящаяся, с крестьянскими мирами и непрерывная погруженность в негромко звучащую музыку их бытия дают шанс набрести на места и ситуации, где начинают подниматься на поверхность глубинные смыслы крестьянских миров. Автор приводит примеры различных коммуникативных мизансцен, возникших в ходе экспедиционных работ, и пытается оценить их информационно-дискурсивный потенциал. Опыт присутствия и степень захваченности крестьянским миром служат неким базовым ориентиром, магнитным полем, выстраивающим и координирующим изучаемую жизненную разноголосицу. Этот опыт формализуется в наборе особых манер включенности в крестьянские миры и передается преимущественно вживую — «делай как я». В статье также изложены соображения о сущности второго исследовательского процесса — изучения дискурсивных форматов, порожденных структурами повседневности российского крестьянства. Автор рассказывает об особых, по дисциплинарной ориентации — социолингвистических, методах наблюдения, изучения и анализа крестьянских миров России. В частности, им обосновываются возможности и конкретные приемы построения дискурсивных проекций крестьянской повседневности. Статья подытоживает как теоретико-методологические поиски автора, так и его полевые социологические опыты в исследуемой области.

Ключевые слова: социология села, крестьянские миры, сельская повседневность, дискурс, дискурсивные форматы, эволюция дискурсивных практик.

Виноградский Валерий Георгиевич — доктор философских наук, профессор, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова. Адрес: 410031, Саратов, ул. Радищева, д. 89.
Телефон: +7 (905) 383-08-36. Электронная почта: vgrape47@yandex.ru

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «“Голоса снизу”: эволюция крестьянских дискурсивных практик», № 15-03-00004.

Язык как «дом бытия»

Диапазон современных (как научных, так и публицистических) оценок социально-экономической ситуации в российском селе часто ошеломляет своей широтой — от мрачных картин пустых мертвых деревень до красочных плакатов об успехах отечественного агробизнеса. Их элементарное статистическое усреднение не дает подобраться к сути. И даже весьма богатая коллекция соответствующих фактов еще не в состоянии сложить целостный образ нынешней крестьянской ойкумены. Свет и тьма здесь своевольно перемежаются, и по-прежнему заметны лишь отдельные, узкие, порой даже и хорошо проработанные, но все-таки фрагменты единой картины крестьянских миров. Конечно, только этого мало. Познавательная задача требует дополнительного фокусирования, — чтобы посмотреть на сельский мир изначально широко. Так, чтобы аналитический взгляд был целиком и вполне погружен в круговую панораму сельской повседневности. И в этой широкоохватной целостности взору может явиться картина укрощенной, лишенной как сокрушенных вздохов, так и одичалого оптимизма, исторической эволюции российских крестьянских миров. Картина поучительная и громадная.

Но можно ли объять необъятное? В определенном смысле — можно, если, забыв о его накрывающей масштабности, прицельно всматриваться тренированным глазом в нужную точку. Создание картины целого в нашем случае возможно тогда, когда в просторный универсум исследователь входит посредством специализированного, тщательного штудирования малого участка крестьянского мира, — хорошо понимая при этом его точную позиционированность в этом мире, его уникальную топологию, его экономические, социальные и культурные координаты. Конечно, все это требует и опыта, и искушенности, и круглосуточно включенного чувства целого.

Но если правильно и наперед угадана степень богатства и информативной сгущенности данной «бытийной молекулы», людской мир (и крестьянский мир тоже) распахивается и вкруговую освещается, видится целостным и осуществленным. Эта познавательная человеческая способность была довольно давно нащупана и понята. Английский поэт и художник Уильям Блейк в «Прорицаниях невинности» писал о ней так: «В одном мгновенье видеть вечность, / Огромный мир — в зерне песка, / В единой горсти — бесконечность / И небо — в чашечке цветка». Об искусстве верно наблюдать широкое, пристально всматриваясь в малое, рассказывал Павел Мельников-Печерский («На горах»): «Голубятники на лет голубей смотрят не прямо (так как света глаз не выносит), а в медный таз со свежей водой. В ней, как в зеркале, отражается голубиный полет». Любой из нас, заметив дрогнувший лицевой мускул собеседника, увидев новый свет его глаз, способен предощутить и грядущие срывы, и обещающие начала, и прощальные концы. «Свет мой, зеркальце, скажи!» И оно говорит и показывает.

Одним из таких широкозахватных зеркал, в которых многоцветно отражается крестьянский мир, оказывается народный язык — базовая среда человеческого осуществления, главный и единственный «дом бытия» (М. Хайдеггер). Именно речевые, или, говоря предметнее, дискурсивные, крестьянские практики организуют крестьянские миры и размечают их движение. И уверенно ведут по ним наблюдателя. О дискурсе как аналитической проекции сказано много и по-разному, в зависимости от целевой установки исследователя. Есть и базовая, суммирующая проекция. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, “погруженная в жизнь”» [1, с. 136–137]. Нечто похожее — «дискурс — это текст, погруженный в ситуацию общения» [7, с. 5], — мы читаем еще у одного авторитетного автора-лингвиста. Философы смотрят в том же аналитическом направлении: «дискурс связан с взаимодействием людей и погруженностью их дискурсивных практик в жизненные контексты» [8, с. 111].

В сущности, приведенные дефиниции так или иначе являются эксплицирующей реконструкцией взглядов французского философа, теоретика культуры и историка Мишеля Фуко. Он определил дискурс и воплощающие его дискурсивные практики так: «...это совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [9, с. 118].

Дискурс как захват мира

Попробуем всмотреться в социолингвистическое пространство русского села, хранящее в себе «хронотоп деревенской дискурсивности». Попытаемся, удерживая в сознании уже найденные в науке базовые аналитические позиции, выстроить основные дискурсивные проекции крестьянских миров. Начнем с самых простых вопросов. Крестьянские дискурсы — как их зафиксировать, как их исследовательски нащупать и обнаружить? Мы не очень много знаем о корневых свойствах дискурсивных крестьянских практик, в которых так или иначе запечатлеваются «анонимные исторические правила», свойственные жизни крестьянских сообществ. Поэтому — в каких неслучайных, устойчивых конфигурациях эти дискурсивные форматы, впитавшие в себя скромное однообразие деревенских природных и социальных пейзажей, циркулируют в здешнем коммуникативном

пространстве? Как отражается в них крестьянский мир? Как они первоначально опознаются?²

С первого взгляда, крестьянских дискурсивных практик как таковых — в их развернутых формах — просто нет. Во всяком случае, они не на виду — в отличие от словесных ниагар политиков, дипломатов, разного рода экспертов, общественных деятелей, блогеров и проч. Случилось так, что народный язык своевольно, хотя, может быть, и не нарочно, смахнули с нынешнего информационно-пропагандистского прилавка. Однако, припомнив, удостоверяешься, что крестьянские дискурсы все-таки регулярно фигурируют в пространстве коммуникаций — в частности в прогнозах погоды, передаваемых в радио- и телеэфире, списках именинников, астрологических предсказаниях. Получается, что деревенские дискурсы — в лаконичной форме народных примет, присловий, присказок и метких наблюдений — продолжают сегодня жить и функционировать, время от времени выныривая из языковых глубин.

Запечатленные сгустки народного языка — речения, пословицы и поговорки, которые в основном произведены именно в сельских социумах, — являются ни чем иным, как крестьянской дискурсивной афористикой. «Афористический фольклор» — феномен особенного рода. Это продукт не столько интеллектуальный, сколько организмический. Не столько измышленный, сколько «выдохнутый». Как бы вызывающе это ни прозвучало, но продуктивное крестьянское соображение, облекающееся как в лаконичные пословичные подытоживания, так и в пространные дискурсивные конструкции, — в сущности, незатейливо и тривиально с точки зрения его внешнего восприятия. Скажем резче и точнее: оно «мало-», «слабо-» и «скудоумно», — в том смысле, что вмещающий крестьянина мир познается большей частью не рассудком, не аналитическим усилием, расщепляющим мир на простейшие семантические молекулы. А чем же? И как именно?

А вот как — этот мир берется и обретается сполна. Он захватывается, что называется, чохом. Чтобы постигнуть технологию такой познавательной сноровистости, свойственной персонажам натуральных крестьянских миров, отлетим на нужную обзорную высоту. Что отсюда видно? А вот что: «Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения». Это свойство хваткого, ловко забирающего «целое», натурального ума обозначил А.С. Пушкин, — откликаясь на публикацию второго тома «Истории русского народа»

² Часть ответов на подобного рода вопросы, — ответов, сформулированных преимущественно в философско-социологическом и социокультурном ключе, — содержится в моей статье «Лицом к лицу: феноменология дискурсивного опознания», опубликованной в «Новом мире» [4].

Н.А. Полевого (1830 г.) и размышляя при этом о крупных движениях европейской истории.

Дискурс как беготня

«Не пророк, а угадчик». Всего лишь угадчик. В этой сдержанности свой резон, — угадчик прикладывает к миру собственные, порой экспериментальные мерки. Он с головой погружен в бытийные хитросплетения. А пророк озарен свыше и все знает наперед. Он громогласен и его слышно и в пространстве, и во времени. Угадчик же обычно тих и неприметен. Он естественным образом влит в местный пейзаж и в нем растворен. Он весь — неотлучное присутствие, цепкое здесь-бытие. Такие угадчики — вовсе не штучные человеческие изделия. Они то и дело выглядывают из общей народной массы, промелькивают и в городах (например, бездомные, живущие уже не природой, как крестьяне, а искусственной урбосредой), останавливая на себе понимающий взгляд. Однако коренной деревенский житель в данном случае особенно показателен, так сказать, — классичен. Он непринужденно умудрен и незатейливо искусен, живя в своем родовом гнезде. Он летит над рябью фактов, мгновенно впитывая их сигналы и пластично приноравливаясь к их предсказуемо преобразующейся конфигурации. Декорации привычной жизни, «общий ход вещей» для него заданы плавным круговращением времен года.

Дискурс нестарательного угадывания, дискурс «верхнего чутья» — отчетливая отметина людей земли. Это, скорее всего, феномен архаический. Он запрятан в безднах агрикультурного *modus vivendi* и виртуозно отражен в языке. Раскапывание языковедами предметных корней «дискурса» как деятельностного, а вслед за этим — и речевого формата древних человеческих практик показало: «*Discursus* — производное от *discurro* ‘бегать в разные стороны, растекаться, распадаться, распространяться’ <...>. *Discursus* в словарях фиксируется с главным значением ‘бегание; беготня туда и сюда; набег; движение, круговорот; непрерывное мелькание; бестолковая беготня, суета; разрастание, разветвление; барахтанье’. И лишь в переносном значении, зафиксированном довольно поздно, в “*Codex Theodosianus*” (438 н. э.), — ‘беседа, разговор’» [6, с. 86].

Это — этимологический, серьезный разговор. Археологические пласты языка хранят в себе и начала, и процессы, и финалы разнообразных жизненных биений. За деревьями здесь ясно виден громадный лес. И простодушная крестьянская дискурсивная «беготня» — «язык наперед ума рыщет», записал от народа Владимир Даль, — на поверку оборачивается крупноформатной житейской пронизательностью. В ней слышна отвага упрямого сопротивления тяготам негарантированного, вечно экспериментального (ураганы, проливни, тля, засуха, неурожай, болезни скотины) повседневного бытия. Толковые деревенские разговоры неизменно и непрерывно, как хорошо прочищенная

родниковая жила, питают и воспроизводят коловращение повседневных жизненных обстоятельств, культивируя искусство ситуативных догадок и лавирования в этих обстоятельствах. Я не однажды наблюдал таких крестьянских «угадчиков» в деле. Видение «общего хода вещей» отчетливо прорезывается у них прежде всего в дискурсе неторопливого откладывания неглавных дел («успеется»), развитой способности попутных хозяйственных акций («едешь ворошить сено — возьми кузов для маслят, топор, срубить слегу») и деревенской темпоральной безмятежности («день велик, управимся!»), — дискурсе, немислимом в отрывистой риторике городского бытия, размеченного буквально по минутно.

Пророк угадчику не товарищ. Пророк загадочен, туманен и отрешен. Угадчик же проворен и деятельно ненасытен, он заведомо и всецело погружен в дискурс повседневной жизненной режиссуры. И вот здесь он умеет развернуться. Он неустанно, раз за разом вцепляется в житейские узлы и сочленения, прочно удерживая их, — куда там «пророку» с его отвлеченными, стратосферно вздымающимися интонациями! «Ничто от наших рук не отобьется!», — уверенно сказала мне Антонина Михайловна Тырышкина из деревни Красная Речка (Саратовская область), когда записывал ее “oral history” в Первом крестьяноведческом проекте Теодора Шанина [3, с. 156]. Эта общая самооценка повседневных жизненных практик в устах выдавшей виды крестьянки звучит многозначительно, бьет в точку. Неудивительно, что, вслушиваясь в вечерние необязательные разговоры «на зава-линке», вчитываясь в крестьянские нарративы, записанные порой от малограмотных, но часто поразительно красноречивых деревенских стариков, то и дело замечаешь эти вспышки простых, самодельных догадок и пробивающих прозрений. Воистину, крестьяне владеют материалом собственного повседневного бытия — предметно и дискурсивно.

Поначалу от сигналов этого неподдельного, «дикого совершенства» (А. Пушкин) буквально вскидываешься — о-о, как! Но скоро к ним привыкаешь. Эта небрежно-размашистая речевая походка, разом перемахивающая завалы фактов мира, — фактов давно разведенных и цепко ухваченных, — озадачивает только на старте экспедиционного погружения в деревенскую жизненную и дискурсивную среду. И как с ней не свыкнуться? — она, в сущности, однообразна в ее складе. Эта среда узнаваема и предсказуема в ее общем пейзаже, как, к примеру, ежевечерне распахивающееся в неподсвеченном, бездонном деревенском небе шевелящееся звездное полотно. Да, всё так. «Всё вокруг здесь родное и близкое...» И поэтому крестьянский мир осваивается и истолковывается его насельниками преимущественно оптом, гуртом, — с помощью готовых рецептурных блоков (конкретным субъектом лишь уточняемых), уже написанных картин (малость

дорисовываемых), давно сложившихся и наперед знакомых бытийных массивов (немного дорабатываемых и достраиваемых).

Устная поговорка как профессионально отточенный дискурсивный инструмент комбинирует ситуации, слегка реконструирует жизненные мизансцены и, как следствие такой перебирающей работы, — угадывает и подтверждает смыслы. К тому же смыслы неявные, окольные, плотно упакованные.

Писанный же афоризм есть продукт работы ума, глубоко забравшегося в бытийные переплетения, их аналитически растеребившего, а вслед за этим — пересобравшего. Афоризм сплошь и рядом изобретателен. Он конструирует чистые семантические значения, формулирует обдуманые, штучные доводы и резоны, время от времени (видимо, в подражание поговорке) облекая их в наглядные и закругленные картинки бытия.

В черновом конспекте замечаний на статьи В. Кюхельбекера в журнале «Мнемозина» (1834 г.) А.С. Пушкин, размышляя о природе гениальности и творческого вдохновения, сформулировал золотое правило распознавания настоящего, развитого, проникающего в суть вещей интеллектуального процесса. Процесса, продуктом которого может стать и афоризм, и познавательное открытие, и научная теория. Вот эта пушкинская формула: «Вдохновение есть расположение души к живому приятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных».

Поговорки и пословицы как «афористический» фольклор систематически реализовывают лишь первую, исходную посылку пушкинской теоремы — «живое приятие впечатлений» здесь всякий раз налицо. Что же касается анализа, размышления, «объяснения оных», то эта работа в фольклоре обычно прodelывается как операция иносказания, — не формулируемая развернуто, скрытая цветистой и запоминающейся вербальной маской. Причем это сокровенное объяснение нащупывается и схватывается мгновенно, на лету. Дискурс моментальной догадки разделяется с проблематикой бытия похода, — либо насмерть пригвождая ситуативные житейские хитросплетения, либо мощно расшевеливая их. Либо безжалостно расправляясь с ними, либо помогая им помаленьку восстать и развернуться. Бытие здесь получает осязаемый пинок в виде наглядного жизненного урока.

Дискурсивные уроки

Однажды буквально на моих глазах, в живом процессе общения с крестьянским стариком Алексеем Спиридоновичем Казанкиным был сотворен такой урок и была рождена новая поговорка. Во всяком случае, мои прилежные поиски в словарях и справочниках результата не дали: формулу, которую при мне сотворил этот деревенский дед, я не смог найти нигде. Но звучит она увесисто и по-старинному.

Итак, ранней весной (начало апреля) завершающего, третьего, года моей первой социологической экспедиции, когда я уже вполне вжился в местный деревенский мир, погасил свою городскую инаковость и со мной обращались уже как со своим, я мимоходом, на задах деревенского порядка увидел Алексея Спиридоновича. Подошел, поздоровался, состоялась краткая ситуативная беседа. «А чего это ты голову от солнышка воротить? Почему шуришься?», — вдруг заметил собеседник. А у меня к тому времени заметно сдали глаза — приходилось много часов сидеть за компьютером, расшифровывая крестьянские нарративы. Я объяснил этот свой ненарочный прищур и попутно пожаловался на судьбу: дескать, трудно мне работать. Третий год ходишь по дворам, записываешь истории, потом переносишь их в компьютерные файлы, составляешь аналитические схемы. «Ну вот, натрудил глаза, болят...» Старик, перед этим ручной тележкой вывозивший накопившийся за зиму коровий навоз на понемногу оттаивающую картофельную леваду, — уже всласть наработавшийся, с разогретым лицом, утомленный, — вполголоса и довольно сердито буркнул: «Уцепился — так держись!..» И тут же ободряюще подмигнул...

Боже мой! Какое мгновенное лечение для души дала мне тогда эта краткая пословицная формула. И вправду — да что ж это я? На что жалуюсь?! Да все мои экспедиционные «страдания» ни стоят и дня бесконечной крестьянской хозяйственной круговерти! И потом — ты же взялся? Тогда — делай! И не жалуйся. Не хнычь. «Уцепился — так держись!» Здесь, в эти немудреные слова, органически вмещено и терпение, и удалство, и профессиональная лихая небрежность, и готовность выстоять до конца. Избыть взятое дело... Такие слова не только врачуют душу, но и заряжают ее социальной энергией. Именно социальной, поскольку «уцепился — так держись!» есть правило, в сущности, мирское, общественное, а не индивидуальное, личностно-психологическое. Мы все здесь, во всей нашей деревне и во всей нашей округе, — «уцепились и держимся!» И поэтому живем дальше... Помедлил я немного рядом с Алексеем Спиридоновичем, да и пошел к себе домой, умней, чем был. Во всяком случае, моя социально-психологическая оснастка, предназначенная для совладания с тяготами ежедневного деревенского бытия, была в тот момент существенно укреплена и подтянута.

Таким образом, крестьянский дискурс — это скорее не обобщение и не размышление, а выстраивание, развернутый показ некой понятной, освобожденной от парадоксов, нормальной картины «трудо- и дней». Эта картина незатейлива, элементарна, рутинна, построена на вращающемся в одной плоскости деревенском опыте. А.С. Пушкин писал: «Опыт — сын ошибок трудных...» И тут же: «Гений — парадоксов друг». Крестьянская жизнь и крестьянские дискурсивные практики принципиально не парадоксальны. В повседневное существование

крестьян проектно не заложены крутые повороты, разрывы, сдвиги и скачки. Крестьянская повседневность — это скорее воспроизводство малоподвижных жизненных технологий, неторопливо циркулирующий временной круг, сезонно возобновляющий привычные и необходимые картинки бытия.

Лексика и синтаксис, размечающие подобного рода жизненный процесс, не предполагают и не требуют развитой семантической глубины и четкой логической расставленности. Какие бы то ни было окончательные оценки, «подводящие черту» неоспоримые итоги допущены в крестьянские дискурсивные форматы нечасто, да и то в интервале конкретной ситуации. «Черного кобеля не отмоешь добела» — но если постараться, то ведь вполне можно. «Шилом моря не нагреешь» — а ведь наверняка отыщется другой нагревательный инструмент. И так далее — вариаций не счесть. И не случайно в народном языковом обиходе вечно живет всем известная, оправдывающая любые, даже спотыкающиеся, практики бытия, нерешительная, непрерывно откладывающая и отсрочивающая формула «утро вечера мудренее». Но в ней же генетически упрятан дискурс предусмотрительного смирения и неуверенной, осторожной надежды. «Не плачься, что ночь студена: ободняет, так обогреет». И — ведь непременно «ободняет», и все вокруг будет залито световой энергией насущных жизненных упований. Все будет наполнено мелькающими мизансценами решения неотложных бытийных задач. «Глаза боятся, а руки делают».

Дискурсивная диагностика

Житейские правила и выводы извлекаются в крестьянских жизненных кругах не столько усилиями систематического анализа, сколько опытами быстротекущей жизни. Они натурально напрашиваются и прямо вытекают из сказанного-сделанного. В этом однообразном, до кустика и былинки изведенном, вкруговую обтоптанном мире формула нравоучительного фольклорного противопоставления «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», в сущности, многозначительно хитрит. Она вовсе не разводит «слово» и «дело» поодаль друг от друга, тем самым принудительно растягивая технологические операции повседневного существования, а только намекает на необходимость различных темпов и ритмов управляющего житейского дирижирования. Эта обуздывающая и утихомиривающая формула, переходящая из одной народной сказки в другую, — не что иное, как квант, символ дискурса терпения, сдержанности и предусмотрительного окорота. И хотя вроде бы совсем рядом в русском лингвистическом пространстве маячит подталкивающий, разгоняющий дискурсивный модуль «не спеши языком, торопись делом», — вряд ли он родом из совсем уж архаических глубин крестьянского мира. В качестве сигнала азартной распорядительности он не случайно был с наслаждением подхвачен

разнообразными надзирающими институциями, обернувшись в конечном счете воспитательно-укоризненной формулой руководящих президиумов. Вслушайтесь: в этом «торопись...» отчетливо звучит понукающий гудок дискурса радикального преобразования, азартного преодоления и прогрессизма. Народ же, зная наперед цену суетливого имитационного мельтешения, меланхолично и жалеючи обуздывает торопыгу: «Не торопись, Окся, — еще Паранька в девках».

Наблюдение и аналитическое освоение натуральных крестьянских дискурсивных практик — весьма поучительное занятие. В них открывается основной, животворный и, в сущности, нежалостливый, «яростный» (А. Платонов) мир. К тому же, хочешь-не хочешь, ты всегда примеряешь мизансцены крестьянской повседневности на самого себя — либо вполне усваивая рассказанное и увиденное, либо удивляясь, либо ужасаясь ему. Прожив годы в различных деревенских сообществах и вволю социологически в них поработав, я не однажды удостоверялся в том, что колотящие уроки тамошних, не вполне грациозных жизненных практик, а также суровые опыты вынужденного самоурезонивания собственных (отчасти вольных) житейских повадок и их конвертации в систему жестковатых и непросторных крестьянских координат — очень полезная и эффективная социально-гигиеническая процедура. Она способна бесцеремонно соскоблить с иного городского человека «гезельшафтную» коросту закрытости, цинизма и высокомерия. Она умеет быстренько и ловко расстроить и сбить наигранную стилистическую любезность заезжего осторожничающего чужака.

Крестьянские дискурсивные практики — это важный элемент повседневного существования сельского народа. Перебирая варианты заголовка к своей недавней книжке, я, покоренный суховато-мужественным красноречием американского этнографа и социолога Дж. Скотта, который изобретательно квалифицировал искусство крестьянского сопротивления как «Оружие слабых» (*Weapons of the Weak*), попробовал, в подражание ему, обозначить технологии, приемы и умения крестьянского повседневного существования с помощью формулы «Орудия слабых» [5]. Дискурс крестьянской повседневности всецело опирается на набор привычек, социально-исторических технологий и культурно-практических хваток, которые помогают крестьянину совладать с полчищем проблем его повседневной жизни, плотно вписанной в природу и местный социум.

Дискурсивное обиталище

Теперь, видимо, можно сказать, что и крестьянский дискурс, — как правило, осторожный, уклончивый, пропитанный вариативной модальностью, свободный от бешеного интенционального напора и безапелляционности — один из действенных инструментов, входящих в арсенал «орудий слабых». Но как выследить и добыть такой, вроде бы

и витающий рядом, но в руки не дающийся, крестьянский дискурс? Вот, — социолог положил перед собой тщательно расшифрованный текст интервью. Можно ли считать его непосредственным воплощением, наличным бытием дискурсивных практик рассказчика? Короче говоря, является ли этот транскрипт полнокровным дискурсом?

По формальным приметам, — несомненно, является. Вместе с тем надо понимать, что любое, сколь угодно развернутое интервью, записанное по всем правилам, в соответствии с заранее разработанным гидом, образует лишь сумму, композицию, перечень вопросов социолога и ответов респондента. Оно является своеобразным информационным телом. Но обитает ли в этом теле душа? Где укрывается сущность, по которой можно судить (вновь сошлемся на М. Фуко) о «совокупности анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [9, с. 118]?

Вопрошание и ответствование — это коммуникационная риторическая форма, которая, разумеется, включает в себе дискурсивность, точнее — систему дискурсов. Данная форма должна быть взята в рассмотрение как некое целое. Как намеренно осуществленный монтаж и синтез двух дискурсов. Однако неизбежная диалогичность социологического интервью, которое всякий раз выглядит как допрос (поскольку активная сторона — вопрошающий социолог), маскирует и порой зажимает, душит органику дискурсивности респондента — в силу именно фрагментизации, нарезки, «клипования» текста интервью. (Эх, научиться бы интервьюеру продуктивно и внимательно молчать!)

Такой дискурс — изначально комбинированный, поскольку принадлежит сразу двум субъектам. И поэтому он, в идеале, — толковый. То есть и дельный, информативно полезный, и аналитический, забирающийся в смысловые глубины. Это, в сущности, дискурс «информационной солидности» (а не беспредметной болтовни) и «коммуникативной солидарности». Да, да, именно *солидности* и *солидарности* (ах, что за чудо русский язык! — ловко, через французский захватив базовую латынь, он самочинно продвигает тебя в твоём умственном старании, разворачивая горизонты понимания) социолога и информанта, поскольку и тот и другой инстинктивно, в целях взаимопонимания, приноравливаются друг к другу и сообща поддерживают и технологически обеспечивают развертывание повествовательной ткани, которая сама себя и продлевает, и истолковывает, и раскрашивает.

Дискурсивный симфонизм

Вот один из примеров такого совместного комбинированного разговора, в конечном счете все-таки пробившегося к определенному,

не лишённому драматизма, дискурсивному залпу. Записан был этот диалог еще при СССР, в ноябре 1990 года в селе Лох (Новобурасский район Саратовской области), буквально на третий день после начала Шанинской трехлетней полевой экспедиции в эти места. Помнится, в ту пору в общественной атмосфере происходило обостренное осмысление пройденного страной пути, нащупывались маршруты в будущее. Дыхание времени начало согревать социум, нарастающая социальная взволнованность помогала деревенским людям заговорить и раскрыться. Беседовал я с бывшим председателем здешнего колхоза «Красная Звезда» Виктором Кузьмичом Казанкиным, 86-летним ветераном. У него в доме, в «Тинновке» — той части Лоха, где по сей день стоит и волнует воображение высокая деревянная водяная мельница, построенная здесь еще при крепостной России.

А сейчас прошу отдельного внимания! Должен предупредить, что вплоть до последнего абзаца этой расшифровки разговор с «дядей Витей» — довольно скучен и ординарен. Но все же советую прочесть его внимательно, не пропуская ничего, буквально строчка за строчкой. И убедиться, что она, в сущности, — лишь риторически-разогревающая фаза интервью. А вот самый финал этого рутинного расспроса, — это не столько ответ Виктора Кузьмича, исполненный содержательности и рефлексивности, сколько запоминающаяся, яркая ламентация. Это, в сущности, дискурс социально-исторического и организационно-экономического отчаяния. Это краткое прощальное слово бывшего председателя колхоза «Красная Звезда», а ныне — изработавшегося одинокого старика.

Итак, транскрипт диктофонной записи:

В. Казанкин: *Родом я из Саратовского приюта. Родителей своих я не знаю. В Лох меня взяла Казанкина Мария Николаевна, когда я был еще грудной ребенок. А приютская моя фамилия — Викторов Виктор Викторович. А здесь меня все зовут Виктором Кузьмичом.*

В. Виноградский: *Вы жили здесь, в Лоху, все время, с рождения?*

В. Казанкин: *Все время, да. Здесь я и ушел на пенсию.*

В. Виноградский: *Нам местные сказали, что вы были здесь председателем колхоза?*

В. Казанкин: *Да, с 1930 года я работаю в колхозе — полеводом, бригадиром. Председателем. Потом работал директором пункта Заготзерно...*

В. Виноградский: *А вы учились где-нибудь?*

В. Казанкин: *Да, в школе, а потом в сельхозинституте имени Калинина. В Саратове.*

В. Виноградский: *А в армию вы отсюда, из Лоха, ушли?*

В. Казанкин: *Нет, не отсюда, а с Вихляйки, соседнего села. Служил я на иранской границе. Потом воевал всю войну, был ранен, контужен.*

В. Виноградский: *Виктор Кузьмич, известно, что в 1930-х годах были репрессии, коллективизация. Вы помните это время?*

В. Казанкин: Да, я в то время был в колхозе, бригадиром. 1200 хозяйств было в Лоху — это 1930 год. Я — бригадир полеводческой бригады, седьмой. Коллективизацию я проводил... (Умолкает. Длинная пауза.)

В. Виноградский: А что еще из той поры, из коллективизации, вам запомнилось? Какие трудности или, наоборот, какие хорошие моменты?

В. Казанкин: Да что хорошего! Косили вручную. Серпами жали, крюками косили. Все тогда трудно было. А потом пошли комбайны, пошли трактора. А раньше на руках пахали, сеяли, убирали.

В. Виноградский: О вас, Виктор Кузьмич, лоховские жители хорошо вспоминают...

В. Казанкин: Да, колхоз — миллионер был! У нас сад — 60 гектаров был, кирпичный завод свой был, глина местная. Из Саратова приезжали, делали экспертизу...

В. Виноградский: А когда колхозники стали жить более-менее хорошо, свободно?

В. Казанкин: Вот, уже после войны, при мне стали жить хорошо.

В. Виноградский: А до войны, до коллективизации как жили?

В. Казанкин: До коллективизации единоличники хорошо жили. У него — две коровы обычно, а то и больше, теленок, лошадь своя. Сами сеяли, бороновали. Так что колхоз был хороший в 1930 году, когда его организовали. Около 300 лошадей было, 180 или 190 быков было рабочих.

В. Виноградский: Вот, я опять хочу спросить — когда тракторов не было, тяжело было пахать, боронить, а все-таки, по вашим словам, единоличники жили лучше, чем в колхозе... Почему так?.. Что, люди, что ли, были другие?..

В. Казанкин: Да люди те же. Но работали они для себя: вспашут, посеют... Все свое — своя лошадь, свой бык. Все свое!

В. Виноградский: А они что-нибудь продавали?

В. Казанкин: Ну, так: хлеба пудика два-три продаст, молока немножко. Для себя жили! Земли у нас было 20 соток на человека, а в семье было по пять-шесть человек...

В. Виноградский: Виктор Кузьмич, а у кого было больше власти в селе — у председателя колхоза или у председателя сельсовета? Ведь вы работали и тем и другим?

В. Казанкин: Да примерно одинаково. Но в большинстве идут люди ко мне, к председателю колхоза, — кому денег, кому подводу, кому машину...

В. Виноградский: Виктор Кузьмич, многие сегодня говорят, что раньше все лучше было, а теперь хуже. Как вы думаете — почему?

В. Казанкин: Сейчас работать не хотят. И водка губит людей. Через водку всех повыгоняли председателей, после меня.

В. Виноградский: А может, сейчас опять стоит к доколхозным порядкам вернуться? К семейным, единоличным хозяйствам?

В. Казанкин: Нет, нет, не надо! Тогда — прощай, Родина! Ведь сейчас молоко сдают на молокозавод, хлеб — в Заготзерно. А единоличник — к себе в амбар. И тогда у него выбивать надо, слезно просить надо — хлебушек, молочко, масло. Зря сейчас в газетах пишут, что надо колхозы разогнать. Это будет — э-э-э.... (Безнадежно машет рукой.) Детишки в Саратове, рабочие

в Саратове без молока будут сидеть. Кто будет возить молоко в Саратов?! Сам-то хозяин не повезет... И Саратов не накормишь! Жуть неприятная будет. Не дай бог это! Неприятности будут — надо ведь будет выбивать у людей продукты. Что зря — то зря! Вот сейчас совхоз «Штурм» свиней выращивает и в Москву, только в Москву отправляет. А не будет «Штурма», что тогда?! Не будет ни мяса, ни картошки. Вот, в «Штурме» — две тысячи гектаров картошки сажают. У них картошка хорошая, земля — пух. Осенью солдаты приезжают, помогают убирать... А ликвидируют «Штурм» — куда солдаты поедут, кому будут помогать? Как будем жить? А? А?!..

Ну что тут добавить к сказанному выше? Действительно, кое-как слаженная, сбивчивая дискурсивность большей части этой беседы условна и скудна. Несмотря на точное изложение фактов, ее содержательность — пунктирна, схематична и обрывочна. В сущности, это — неохотный, вялый дискурс допросного протокола. И только последняя, более или менее развернутая, ответ-реплика Виктора Кузьмича Казанкина дает вполне рельефное представление и о биографии этого насквозь советского человека, и о его политико-экономических пристрастиях, и о его манере, стиле рассуждать (“discourse” = «рассуждение»). Серьезный, хотя и прячущийся за смятением и тревожностью, базовый дискурс хозяйственной распорядительности, впитавший в себя привычки крестьянского семейного двора, выстраивается здесь в его нехитрой логике и отчетливо звучит в речевых интонациях. Вдобавок здесь прочитывается отрететированная дискурсивная машинальность опытного колхозного председателя, не однажды попадавшего на коверные допросы и выволочки, регулярно практикуемые в те годы районным партийным и советским начальством.

Буквально три минуты разговора с председателем Казанкиным соединили и взвешивали в одном социально-информационном пространстве прошлое, настоящее и будущее, создав крохотную просальную симфонию. Поняв, что его собеседник не опасен и не искушен, В. Казанкин высказался, что называется, «по существу». Он попытался выстроить свою картину мира. И он ее выстроил. И в отчаянии оттолкнул. И навсегда отложил уже ненужную ему дирижерскую палочку. Таким образом, дискурсивные практики в их достаточном для анализа объеме и семантической глубине возникают тогда, когда респондент самостоятельно управляет информационным потоком. Когда он увлекается собственной логикой. Когда он верит себе и говорит, в сущности, с самим собой.

Дискурс как настроение

Отсюда можно сформулировать одно из основных правил для полевого исследователя, который приехал в деревню не на один год. Оно звучит так: «Не делать умного лица». Иначе говоря, — не быть в глазах крестьян явным специалистом, исследователем, ученым. Социолог

должен быть максимально открытым для свободного, непринудительного общения. Он должен сосредоточиться на том, чтобы его программные разговоры с респондентом были сугубо интересны последнему, чтобы у крестьянина не возникало бы ни тени подозрения, что его расспрашивают, то есть, в конечном счете, используют для неких внешних и порой не совсем ясных для него целей.

Все это необходимо для того, чтобы максимально мягко, незаметно, ненавязчиво организовать откровенное крестьянское повествование — так называемый «голос снизу». Организовать и внимательно вслушаться в него как в целостность, как в общее настроение, а не только набор актуальных, нагруженных информацией высказываний. Организовать и внимательно запротоколировать его для нынешних и будущих исследователей. Однако «голос снизу» — это не любой крестьянский рассказ и не любая, пусть даже самая доверительная и сердечная, беседа с деревенским жителем. В идеале, «голос снизу» — это произвольно, то есть не с помощью понуканий интервьюера, а самостоятельно выстраиваемая респондентом система, круг воспоминаний, размышлений, взглядов, пристрастий, оценок, сетований и надежд, которые существуют в крестьянском сознании и памяти не порознь, а опираясь одно на другое, продуцируя друг друга, создавая единое настроение. Именно система, а не набор высказываний, продиктованных чаще всего реакцией на конкретную коммуникативную ситуацию, стремлением понравиться городскому собеседнику или, наоборот, его обидеть или подшутить над ним. Или просто позубоскалить. Вот только два из многих примеров бесхитростного нарративного озорства.

Первый. Говорит Новобурасский (Саратовская область) крестьянин и строитель знаменитого Тепловского прудового каскада Владимир Иванович Воротников:

В. Виноградский: *А кто был ваш отец?*

В. Воротников: *Отец мой был по профессии портной. И довольно образованный. Я потом тебе покажу его фотографию. И еще покажу, какой у него почерк был. Он ведь кончил высшее учебное заведение, здесь, в Бурасах.*

В. Виноградский: *А было разве такое здесь в старину?*

В. Воротников: *Да зачем же?! (Покровительственно усмехается.) Как ты не понимаешь?! Ну, школа это простая, четырехклассная... Это я так, со смехом, тебе говорю — «высшая». Выше-то ничего не было в Новых Бурасах, кроме этой школы! Чего же это ты такой доверчивый, Валерий?.. (Смеется.)*

Второй. Говорит коренная усть-медведицкая казачка (хутор Атамановка, Волгоградская область) Елена Логиновна Шаронова:

В. Виноградский: *Вы с 1913 года рождения. А где вы родились?*

Е. Шаронова: *Тута! Сроду тутта. И сама жила, и родители. И все родство здесь, в Атамановке.*

В. Виноградский: *А в школу ходили?*

Е. Шаронова: *Нету. Какая тут школа?!*

В. Виноградский: *А читать умеете?*

Е. Шаронова: *Ничаво я не умею. Сто пятаков и рубль устно решаем — больше ничаво. (Задорно смеется.)*

В. Виноградский: *«Сто пятаков» — чего?..*

Е. Шаронова: *Ну, сто пятаков сколько будет? Я говорю: рубль!*

В. Виноградский: *Да как же?! Сто пятаков — это будет пятьсот... Пять рублей, вроде... (Вдруг понимаю, что надо мной добродушно подшучивают, и осекаюсь.)*

Е. Шаронова (смеется): *Ну вот и грамотная я такая!..*

Вслушайтесь — сколько здесь натурального, открытого, соединяющего людей, уместного, согревающего смеха! Сколько здесь доверчивого человеческого тепла! И куда же все это подевалось за всего-то двадцать пять минувших лет? Куда это скрылось — особенно в дискурсах городского речевого обихода? И неужто в историческом разворачивании нынешней — колючей, нервической, лаконично-обрывистой — разговорно-коммуникативной переключки и суеты закругленное уютное пространство этих славных, неторопливых, — не фабрикуемых посредством жестяной телефонной мембраны или выкрика, а свершаемых спокойно двигающимися устами, сопровождаемых сияющими глазами и плавными телесными жестами, — разговоров свернется до самой ничтожной малости? До крохотных закоулочков сокровенного, приватно-дружественного, застенчивого бытия? О-о, тогда, похоже, настанет громогласное и беспросветное коммуникативное несчастье. Наступит шумно-безответное речевое запустение. А может, все-таки как-то вывернемся?..

Дискурсивные контрапункты

Надо отметить, что случаи подобных непредсказуемых и факультативных «информационных ответвлений» в ходе общения полевого социолога и респондента возникают нередко. Конечно, это зависит от того, как ты себя поставишь, — внимательным собеседником или праздным соглядатаем. Люди наблюдательны и чутки. И, как может показаться на первый взгляд, к подлинному «голосу снизу» эти моменты будто бы имеют достаточно косвенное отношение — сплошная шутовость и ветреность. И поэтому здесь первое аналитическое движение — оборонительное. Спohватившись, можно положить и внушить себе, что задача строгого исследователя, видимо, должна состоять в том, чтобы, расшифровывая диктофонную запись (неслучайного, заранее сюжетно и процедурно продуманного разговора), терпеливо и тщательно «вычесать» подобного рода необязательный, прокладочный словесный материал, расчистить то, что может впопыхах представиться неким бесполезным «речевым шлаком». В надежде еще и еще раз коснуться натуральных пластов памяти рассказчика. Добраться до настоящих, плодоносных, корневых крестьянских дискурсивных практик.

Однако подобная отбраковывающая щепетильность может в конечном счете повредить делу. Видимо, в таком, по сути академически-брезгливом, отборе может притаиться капитальный аналитический промах. Ведь если вдуматься, все как раз наоборот! Как раз именно такие моменты общения социолога и респондента и образуют супернатуральные дискурсивные практики. Точнее говоря, освобождают пространство для развертывания подлинного, непредзаданного дискурсивного действия. Они создают хорошую коммуникативную погоду, продвигают, интенсифицируют дискурс, делают его настоящим, целостным, включенным, присутствующим. Общим и — своим. И если в разговоре вдруг начинают звучать лукавство, подтрунивание и откровенное гаерство (уж не эту ли старинную русскую речевую забаву нынче принято называть сверлящим и мертвенным словом «троллинг»?), то эти моменты нисколько не страшны. И они даже — если социологу нацеливаться на многозаходный, разворачивающийся нарратив и иметь в виду достаточно длинную дискурсивную перспективу — желанны и необходимы. Потому что ведь такие моменты — не что иное, как вывернутые на неотглаженную узелковую изнанку те самые *солидность* и *солидарность*, но в их «неофициальном» обличье. Возникая как озорные пробежки по коммуникативному лезвию, они иной раз могут, конечно, расшатать и своенравно нарушить некие условные информационно-композиционные приличия и формальные риторические стандарты — тогда держись, социолог-полевик! Но ведь это воистину восхитительно! Ведь здесь фонтанирует и глаголит, живописует себя и вещает о себе непрестанно бросающаяся из стороны в сторону, живая, прихотливо-гибкая жизнь.

Разумеется, не исключено, что те опросно-процедурные моменты, когда «неклассические» дискурсивные мизансцены нарушают логически плавное развертывание воплощаемой в слове повседневности, для методически дисциплинированного интервьюера-социолога просто невыносимы. Пребывая в азартном исследовательском забытии, он запросто может счесть их тормозящим препятствием, а то и незапланированным информационным скандалом. Но они же, эти вспышки коммуникативной непредсказуемости, дают возможность высветлить подлинные дискурсивные сокровища. Позволяют взять их в руки. Позволяют понять и — как ни крути! — принять. Из жизни, как из песни, слова не выкинешь. Жизнь сама есть непрерывно переливающийся дискурсивный спектр.

Ухватить и сберечь дискурсивную целостность можно, видимо, только тогда, когда сосредоточенная речевая серьезность и капитальная речевая серьезность, с одной стороны, и отпущенная на волю словесная спонтанность — с другой, взяты в их естественной нераздельности. Эти дискурсивные контрапункты хоть взаимно атакуют, но и крепко держат друг друга. Они, каждый по-своему, пластично примериваются к возмож-

ным вариантам надвигающегося бытия. Они ошупывают и проверяют путь. Они реально двигают жизнь вперед. Спасительная мощь такого натурального дискурса заключена не столько в прилежном протоколировании уже сбывшегося, сколько в непрестанном и параллельном животворении будущего — научающем, повторяющем, уточняющем, внушающем, предостерегающем, ободряющем и посылающем субъекта в предчувствуемое грядущее.

Выходит, что сама жизнь в таком ее дискурсивном обличье берет под крыло и старается по возможности сберечь изначально бесхитростную, незатуманенную человеческую душу. Хорошо, что дискурс натуральных жизненных практик, упрямо вращающийся и в нынешних крестьянских мирах России, пока еще способен заглушить и отодвинуть усредненный, стерильный дискурс «планетарной канцелярии»³.

Пока еще это ему по силам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–138.
2. Биbihин В.В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002. — 416 с.
3. Виноградский В.Г. Крестьянские координаты. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ, 2011. — 348 с.
4. Виноградский В. Лицом к лицу: феноменология дискурсивного опознания // Новый мир. 2015. № 6. С. 156–166.
5. Виноградский В.Г. «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ, 2009. — 291 с.
6. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27–30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады. М.: Московский институт иностранных языков; Российская академия лингвистических наук; Институт языкознания РАН; Научный журнал «Вопросы филологии», 2007. С. 86–95.
7. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–19.

³ Вот как выглядит эта пронизательная формула Владимира Биbihина в ее более широком текстовом обрамлении: «Язык планетарной канцелярии не просто разобщает людей подобно еще одному частному языку, но делает людей впервые в истории немymi, потому что он “дипломатический”, на нем говорят заведомо не то, что хотят сказать, и на нем не принято ни говорить, ни молчать о том, что на самом деле хотят сказать. Объединяет людей не обобщенное, а особенное» [2, с. 51].

8. Огурцов А.П. Философия науки как конкуренция исследовательских программ // Методология науки: исследовательские программы. С. 105–124.
9. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр.; Общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. — 208 с.

Дата поступления: 25.05.2015.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL (= SOCIOLOGICAL JOURNAL)

2016. Vol. 22. No. 1. P. 133–153. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.1293

V.G. VINOGRADSKIY

Saratov Socio-Economic Institute (Branch) of the Plekhanov Russian University of Economics, Saratov, Russian Federation.

Vinogradskiy Valeriy Georgievich — Doctor of Philosophy, Professor, the Saratov Socio-Economic Institute (Branch) of the Plekhanov Russian University of Economics. **Address:** 89, Radischev St, 410031, Saratov, Russian Federation.

Phone: +7 (905) 383-08-36. **Email:** vgrape47@yandex.ru

The paper is written in the framework of the scientific project № 15-03-00004 «“Voices from the Underground”: the Evolution of Peasant Discursive Practices» supported by the RHF.

“VOICES FROM BELOW”:

DISCURSIVE PROJECTIONS OF THE PEASANT WORLDS

Abstract. The author, who has been studying the Russian countryside for years, focuses on presenting two interrelated processes which inevitably occur during sociological practices. The first initial process is expressively summed up in the well-known formula by Andrei Platonov: “Good ideas do not come in comfort, they come as a result of encountering people and events”. These prolonged “encounters” with the world of peasants, while being continuously engulfed in the tranquil music of their humble existence, gives us a chance to come across places and situations where the deep implications of their world start to become apparent. The author cites examples of different communicative stage settings which came forth during field work, while trying to assess their information-discourse capacity. This experience of being present and the degree of involvement in the peasant world can be considered a basic reference point, a magnetic field which forms and coordinates the examined vital discordance. This experience is formalized into a set of distinct ways of being involved in the peasant worlds, and is conveyed mainly in a lively fashion — as in “do what I do”. This article also describes the essence of a second investigative process — studying the discursive formats which are the consequences of peasants’ everyday life practices. The author talks about certain special observation methods, which are sociolinguistic in their disciplinary orientation, and which focus on the study and analysis of Russian peasants’ environments. To be specific, the author justifies the possibilities and methods of constructing discursive projections of everyday peasant life. The article summarizes both the theoretical / methodological research of the author and his sociological field tests in the examined area.

Keywords: sociology of the village, the peasant worlds, everyday life of the village, discourse, discursive formats, evolution of discursive practices.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. Diskurs. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. [Discours. Linguistic encyclopedic dictionary.] Ed. by V.N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990. P. 136–138. (In Russ.)
2. Bibikhin V.V. *Yazyk filosofii*. [The language of philosophy.] Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)
3. Vinogradskii V.G. *Krest'yanskie koordinaty*. [The Peasant coordinates.] Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU Publ., 2011. 348 p. (In Russ.)
4. Vinogradskii V. Litsom k litsu: fenomenologiya diskursivnogo opoznaniya. [Face to Face. Phenomenology of Discursive Recognition.] *Novyi mir*. 2015. No. 6. P. 156–166. (In Russ.)
5. Vinogradskii V.G. "Orudiya slabykh": tekhnologiya i sotsial'naya logika povsednevnogo krest'yanskogo sushchestvovaniya. ["Weapons of the weak": Technology and the social logic of everyday peasant existence.] Saratov: Izd-vo Saratovskogo in-ta RGTEU Publ., 2009. 291 p. (In Russ.)
6. Dem'yankov V.Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydennoyazyka. *IV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Yazyk, kul'tura, obshchestvo"*. Moskva, 27–30 sentyabrya 2007 g.: *Plenarnye doklady*. [Text and discourse as terms and the words of ordinary language. IV International scientific conference "Language, culture, society". Moscow, 27–30 September 2007: Plenary reports.] Moscow: Moskovskii institut inostrannykh yazykov Publ.; Rossiiskaya akademiya lingvisticheskikh nauk; Institut yazykoznaniiya RAN Publ.; Nauchnyi zhurnal "Voprosy filologii" Publ., 2007. P. 86–95. (In Russ.)
7. Karasik V.I. O tipakh diskursa. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs*. [About the types of discourse. Linguistic personality: Institutional and personal discourse.] Volgograd: Peremena Publ., 2000. P. 5–19. (In Russ.)
8. Ogurtsov A.P. Filosofiya nauki kak konkurentsia issledovatel'skikh programm. *Metodologiya nauki: Issledovatel'skie programmy*. [Philosophy of science as competition research. Methodology of science: research programmes.] P. 105–124. (In Russ.)
9. Foucault M. L'Archéologie du savoir. [Russ. ed.: Fuko M. *Arkheologiya znaniya*. Transl. from French; Ed. by Br. Levchenko. Kiev: Nika-Tsentr Publ., 1996. 208 p.]

Received: 25.05.2015.